
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ГОРОДИЩЕ ОСЫНО

До недавнего времени древности восточных (днепровских) балтов рассматривались, как правило, обособленно от соответствующих археологических памятников юго-восточной Прибалтики. Принадлежность древних обитателей Верхнего Поднепровья и смежных областей к балтийской группе выяснилась сравнительно недавно; их самостоятельная жизнь прервалась со славянской колонизацией; различными были исторические связи прибалтийских и днепровских племен. Отсюда понятно, что перед изучением днепровских балтов стояли свои задачи, иные, чем задачи прибалтийской археологии. Тем не менее было бы чрезвычайно интересно рассмотреть археологию древнего балтийского мира в целом, со всеми его локальными подразделениями — западными и восточными.

Но такому изучению древних балтов мешает недостаточность, а порой и отсутствие полноценной археологической информации о территориях, расположенных по преимуществу между Прибалтикой и Поднепровьем. Культура городищ со штрихованной керамикой, распространенная в I тысячелетии до н.э. и начале нашей эры на огромных пространствах в пределах нынешних Белоруссии, Литвы и отчасти Латвии, исследована далеко недостаточно; в частности, не определены составляющие ее локальные подразделения. Неясно кому — балтам или предкам финно-угров — принадлежали в древности бассейны рек Великой, Ловати и верхнего течения Западной Двины. Такой же вопрос стоит относительно западнодьяковских городищ Волго-Окского междуречья. Одной из тем, подлежащих выяснению, является этническая характеристика древних себежских городищ, занимающих живописный озерный край на водоразделе между средним течением Западной Двины и верховьем р. Великой.

Начало исследованию себежских древностей было положено А. А. Спициным. В 1928 г. по приглашению заведующего Себежским музеем Б. В. Савицкого им были осмотрены археологические памятники в окрестностях г. Себежа. В архиве А. А. Спицина сохранились описания нескольких городищ и курганных могильников. Раскопок на городищах А. А. Спицин не производил.

В 1952 и 1953 гг. археологические работы в Себежском крае вела Ф. Д. Гуревич. На городищах у деревень Жуки и Ульяновщина, отнесенных ею ко второй половине I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры, были произведены небольшие раскопки¹. В 1955 г. на двух городищах — Себежском и Язбовском — небольшие раскопки предприняла С. А. Тараканова. Оба городища были датированы второй половиной I тысячелетия до н. э. В отличие от Ф. Д. Гуревич, которая сближала себежские городища с синхронными памятниками юго-восточной Прибалтики, С. А. Тараканова

¹ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолуцкой обл. КСИА АН СССР, 62, 1956.

указала на якобы намечающееся их сходство, особенно по керамике, с городищами юхновской культуры Подесенья².

С мнениями Ф. Д. Гуревич и С. А. Таракановой не согласился К. П. Шут, в 60-х годах производивший исследование городищ «раннего железного века» в области среднего течения Западной Двины. Своеобразие керамики, близкой себежской, по его мнению, позволяет выделить средневдинские и себежские городища в особую локальную группу, названную им себежской³. Подобные соображения высказывались белорусскими археологами и раньше, когда они говорили о городищах «западно-вдинской» культуры. Но позднее эти древние городища не отчленялись белорусскими археологами от днепро-вдинских, занимавших Смоленщину и юго-восточную часть Витебской области⁴, и точка зрения К. П. Шута не получила дальнейшего развития. К днепро-вдинским причислил себежские городища и В. В. Седов, раскопавший в конце 60-х годов в Себежском крае городища у деревень Стояки и Фомино, а также обследовавший ряд других пунктов⁵.

Наличие нескольких несовпадающих точек зрения на этническую природу себежских городищ заставило еще раз обратиться к изучению этих древностей. Тем более что, по-видимому, главной причиной разногласий была недостаточная изученность памятников, в частности то, что археологи оперировали нерасчлененным материалом большего хронологического диапазона — I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. За столь длительный период культурно-этническая обстановка и границы локальных групп могли меняться. Особый интерес представляли городища наиболее ранней группы — первой половины и середины I тысячелетия н. э. — времени, когда локальные особенности городищенской культуры должны были выступать наиболее отчетливо.

Наши работы в Себежском крае были начаты с осмотра уже известных городищ с целью выбора объектов для раскопок. Были осмотрены городища у деревень Кременцы, Рябы, Ульяновщина, Язбово (Избово), оба Себежские городища, городища у деревень Мидино, Добраши, Сутоки и др. Большинство из них оказалось непригодными для раскопок: у одних культурный слой распахан, другие поросли густым лесом, третьи не имеют культурного слоя. В результате обследований удалось отыскать лишь одно городище с чрезвычайно древним культурным слоем, к тому же содержащим богатые находки. Это городище находится вблизи д. Осыно, на берегу одноименного озера, в 22 км на юго-восток от г. Себежа. Раскопки на нем были проведены в 1971—1972 гг.

Городище имеет два культурных слоя: 1) первой половины I тысячелетия до н. э. и 2) XII—XIII вв. н. э., когда на городище были произведены большие фортификационные работы, в ходе которых на большей части площадки был срыт древний культурный слой и полностью разрушены остатки соответствующих ему сооружений — жилых и хозяйственных. Таким образом, городище как источник для изучения культуры «раннего железного века» явилось объектом далеко не полноценным, не сохранившим данных о многих важнейших сторонах культуры. Но обилие и прекрасная сохранность вещественных находок — предметов из камня и разнообразных изделий из кости, наконец, отбросов пищи (костей животных) заставили провести здесь раскопки, тем более что объем их был не особенно большим.

² С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», т. I, М., 1959, стр. 111—117.

³ К. П. Шут. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии», Минск, 1956, стр. 166—181.

⁴ Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, стр. 213—224.

⁵ В. В. Седов. Городища себежского поозерья. *Studia archaeologica in memoriae Harri Moora*. Tallin, 1970, стр. 166—170; *его же*. Разведки в Псковской земле. АО — 1970, М., 1971, стр. 18.

Городище занимает юго-восточную, более высокую часть моренного холма, вытянутого с юго-востока на северо-запад, к озеру. Длина основания холма 220 м, ширина — от 60 до 120 м, высота городища 17—18 м. Его площадка правильной яйцевидной в плане формы имеет длину 45 м, ширину в средней части 28 м. Она вытянута вдоль длинной оси холма, суженным концом к озеру. Со всех сторон площадка окружена ровными

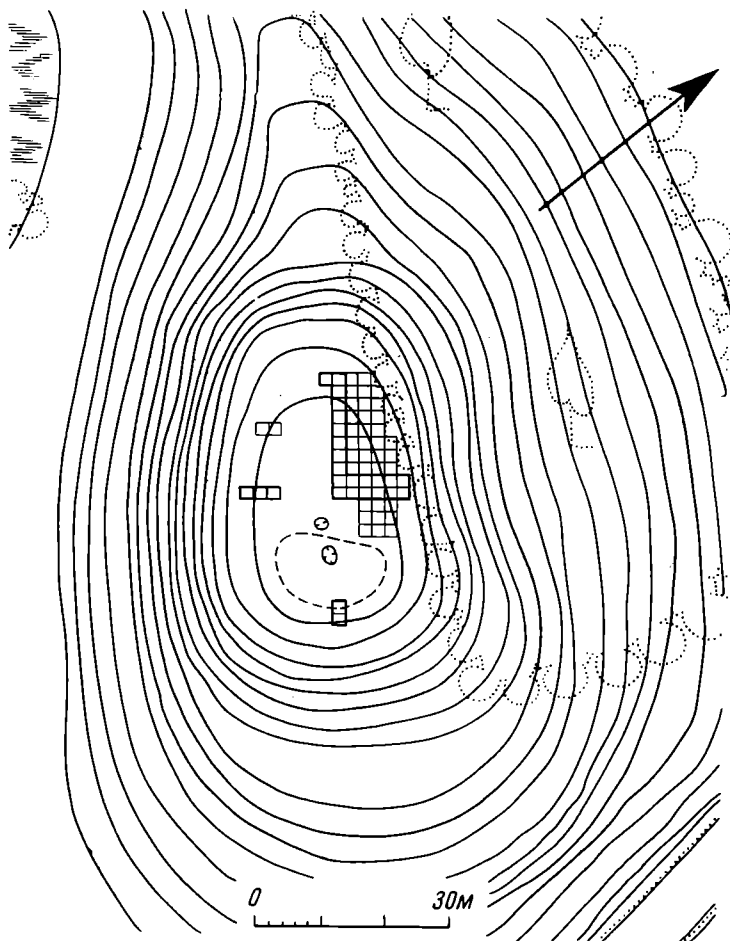

Рис. 1. План городища Осыно. Сечение горизонталей через 1 м. Жирной линией обведены участки, вскрытые в 1971 г.

склонами, особенно крутыми в верхней части. Валов на городище не имеется (рис. 1).

Как выяснилось в ходе раскопок, данную форму городище приобрело в итоге земляных работ XII—XIII вв. В далеком прошлом вершина холма, занятого городищем, была выпуклой и имела значительный склон с юго-запада на северо-восток. В средневековье площадка была снивелирована: с юго-западной и центральной частей вершины холма были сняты древний культурный слой и верхний горизонт материкового суглинка; все это было переброшено на более низкую северо-восточную окраину площадки. Тогда же верхняя часть склонов была эскарпирована.

В первый год раскопок с помощью ряда поперечных и одной продольной траншеи была разведана стратиграфия городища. На второй год была раскопана северо-восточная часть площадки, имеющая древний культурный слой. Всего на городище была вскрыта площадь размером 248 м².

Культурный слой на большей части площадки практически отсутствует. Он совпадает с тонким (10—15 см) дерновым слоем, непосредственно под которым лежит материковый суглинок. В почвенном слое встречаются

мелкие обломки средневековой керамики. Лишь вдоль северо-восточного края площадки на полосе шириной 6—8 м имеется мощный культурный слой, выклинивающийся к центру площадки и достигающий мощности 2 м у края. Слой состоит из двух горизонтов: 1) нижнего — ненарушенного, первой половины I тысячелетия до н. э., темно-бурого цвета, местами подстилаемого прослойкой древнего гумуса; мощность слоя 0,4—0,5 м, материк под этим слоем был сильно оподзолен; и 2) верхнего горизонта — материала, переброшенного сюда в XII—XIII вв. во время нивелировки пло-

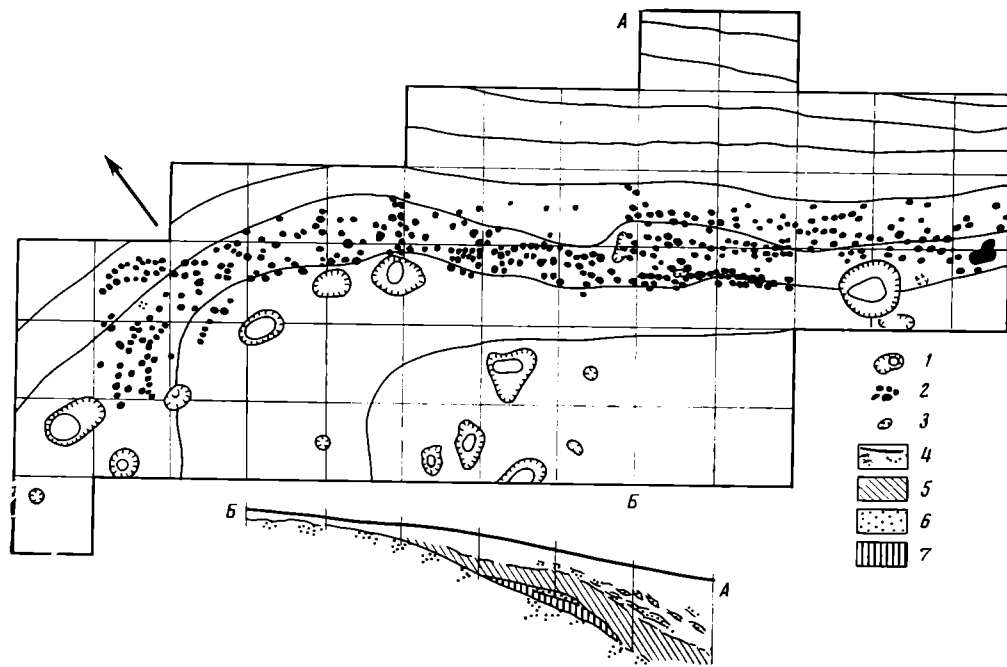

Рис. 2. План и профиль раскопа 1971—1972 гг. на городище Осыно: 1 — ямы XII—XIII вв.; 2 — ямы от столбов и кольев древней ограды; 3 — камень; 4 — мешаный слой; 5 — древний культурный слой; 6 — суглинок; 7 — древний гумус. Сечение горизонталей 0,5 м. Размер квадрата 2 × 2 м

щадки. Кроме древних остатков в этом перемешанном материале встречаются отдельные предметы XII—XIII вв. В отличие от нижнего горизонта сильно гумусированного и аморфного по строению, верхний перемешанный горизонт изобилует многочисленными включениями суглинка.

Когда разборка обоих горизонтов культурного слоя была закончена и обнажилась поверхность материка, вдоль древнего склона было обнаружено множество ям от столбов, диаметром 10—25 см и глубиной в материке 15—20 см. Столбы, точнее колья, стояли в этих ямах не вертикально, а с некоторым наклоном наружу. Иногда они образовывали плотные ряды (рис. 2). Трудно сказать, состояла ли ограда из одного или нескольких рядов кольев? Скорее всего мы видим здесь остатки нескольких оград, сменяющих одна другую, или ограды, неоднократно отремонтированной, состоящей из 2—3 рядов кольев. Судя по остаткам угля в некоторых ямах, ограда горела, вероятно, неоднократно. Следы такой же ограды были обнаружены в двух небольших траншеях, заложённых у юго-западного склона. Уровню древней поверхности там соответствовала углистая прослойка, также свидетельствующая о пожаре. Таким образом, ограда некогда окружала древнее городище со всех сторон. Протяженность окруженной оградой овальной площадки составляла 35—40 м в длину и 15 м в ширину. Площадь ее не превышала 450—500 м². Это было, следовательно, совсем небольшое укрепленное поселение.

Как видно на плане и профилях раскопа, древний культурный слой на городище сохранился, по сути дела, лишь на месте ограды и за ее пределами (рис. 2). Внутри ограды древнего слоя или совсем не было, или же он был испорчен средневековыми хозяйственными ямами. Большинство находок было сделано сразу же за оградой. Сюда некогда сбрасывались пищевые и другие отбросы, сюда же слой сползал и смывался во время существования древнего поселения и после того, как оно было покинуто. На крайних, лежащих ниже по склону квадратах культурный слой становился заметно беднее находками и приобретал более светлую бурю окраску. Кроме следов ограды, других остатков сооружений, относящихся к древнему слою, обнаружено при раскопках не было.

Перемещанный и сброшенный на северо-восточный склон материал древнего слоя дает совсем незначительную информацию о бывшем здесь некогда поселении. Так, большое количество горелого камня говорит о том, что в жилищах (можно думать наземных) были каменные очаги. Предположение о пожаре или пожарах, высказанное выше при описании ограды, было подтверждено пятнами угля и отдельными обгоревшими вещами из культурного слоя. К ним относится, например, нижний камень большой зернотерки, поверхность которой сильно обожжена. Обращает на себя внимание ряд каменных и костяных изделий, совершенно цельных, пригодных к употреблению (каменные топоры, костяные кинжалы и др.). Возможно, что пожар, завершивший древний период жизни на городище, был связан с вражеским набегом.

Как известно, древнейшие городища в лесной полосе Европейской части СССР связываются с культурой «боевых топоров и шнуровой керамики», распространившейся в Прибалтике, Поволжье и Поднепровье во II тысячелетии до н. э. Носителей этой культуры считают древними балтами, или прабалтами⁶. По уровню культуры они стояли выше древнего местного населения, способствовали распространению скотоводства и земледелия и явились здесь первыми строителями укрепленных поселений — городищ. На территории Среднего Поволжья древнейшие городища были исследованы П. Д. Степановым и А. Х. Халиковым. Они восходят ко II тысячелетию до н. э., в частности к его середине⁷. В других местах лесной полосы такие древние городища пока не обнаружены. Но среди многочисленных памятников юго-восточной Прибалтики, Верхнего Поволжья и Верхнего Поднепровья известны городища, относящиеся к началу и середине I тысячелетия до н. э. и характеризующиеся преобладанием каменных и костяных орудий. Еще в начале нашего века такие древности изучались в Восточной Литве Л. Крживицким. Не сомневаясь, что обитатели городищ были знакомы с металлами, он счел возможным отнести культуру исследованных им древностей к «последним моментам неолитической эпохи»⁸. Подобные же древности известны на территории Латвии; они датируются бронзовыми кельтами меларского типа. Недавно сведения о них были обобщены Я. Я. Граудонисом⁹. Находки меларских кельтов и керамических формочек для их изготовления известны на городищах Смоленщины.

Городища, относящиеся к глубокой древности, несомненно, будут найдены и в других областях, где некогда расселялись «племена боевых топоров и шнуровой керамики». Городище на оз. Осыно является древнейшим из известных сейчас городищ Себежского края. В его культуре

⁶ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1963, № 2.

⁷ П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, 2; его же. Ош Пандо. Саранск, 1967, стр. 23—69; А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1963; А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 182—209.

⁸ Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913, стр. 301—317.

⁹ Я. Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.

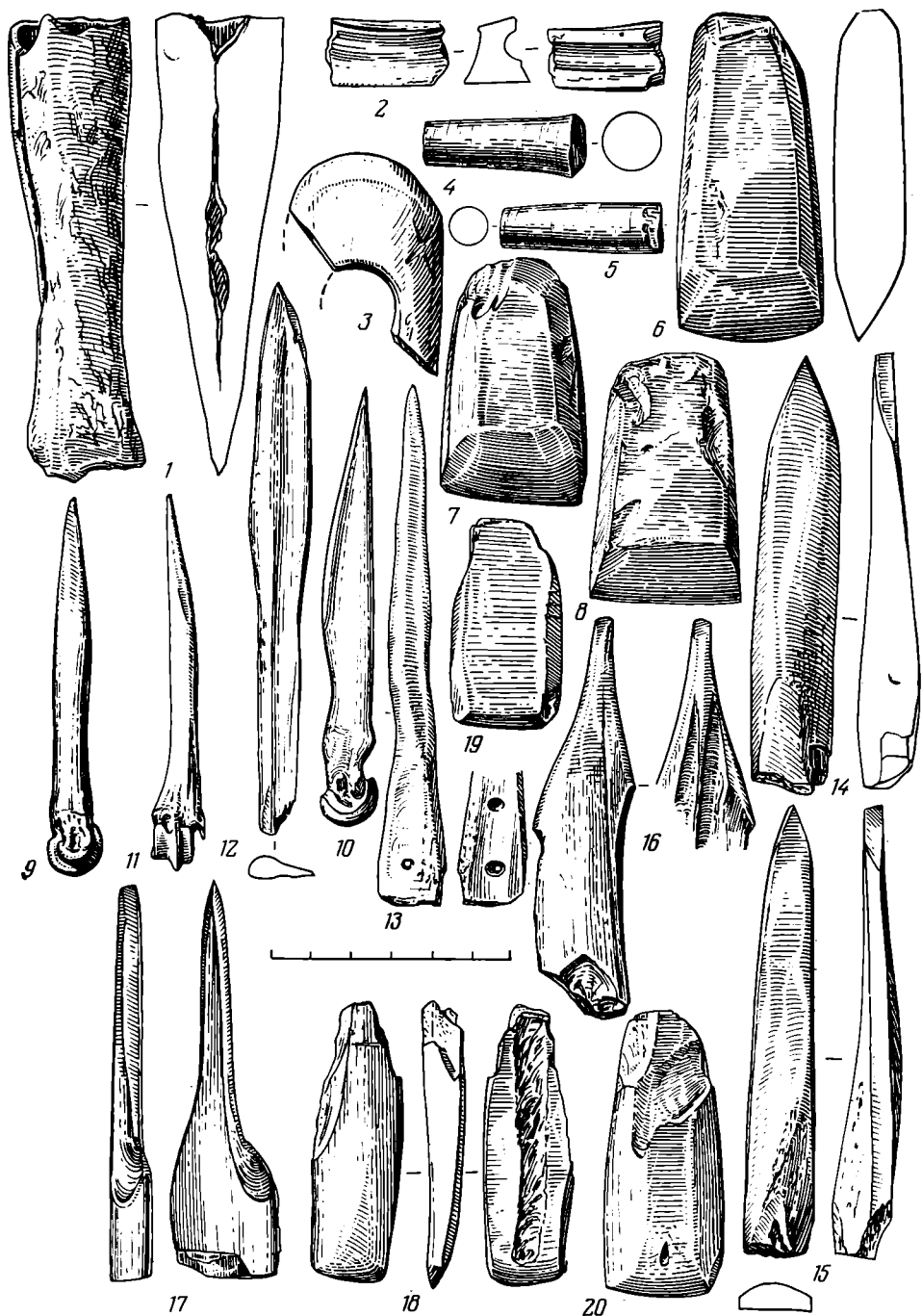

Рис. 3. Городище Осыно: 1 — железный топорик; 2 — обломок литейной формочки; 3—8 — изделия из камня; 9—20 — изделия из кости

на лицо элементы, восходящие к «племенам боевых топоров», хотя, по-видимому, оно не старше второй четверти I тысячелетия до н. э.

Среди многочисленных находок, происходящих из древнего культурного слоя городища Осыно, нет ни одного изделия из металла. О бронзовой металлургии, однако, говорят три обломка литейных формочек, сделанных по восковым моделям, служивших для отливки круглых в сечении браслетов (рис. 3, 2). Такие же находки неоднократно встречались на древнейших городищах Верхнего Поднепровья и юго-восточной Прибалтики. Ближайшую аналогию нашим формочкам можно указать также среди

материала известного Бискупинского городища на территории Польши¹⁰. Единственным предметом из железа с городища Осыно является миниатюрный втульчатый топорик (рис. 3, 1). Но он был найден на стрелке городища в толще перемешанной земли, насыпанной в XII—XIII вв. при выравнивании площадки городища, и его отношение к древнему слою находится под большим вопросом. Все остальные находки свидетельствуют, что производственный и бытовой инвентарь, в том числе орудия для обработки дерева и предметы вооружения, изготовлялись древними обитателями городища в основном из твердых пород камня и из кости. Но если каменные топоры и мотыги делались ими по-старому, «неолитическим» способом, то для изготовления костяных поделок употреблялись металлические орудия. Каких-либо орудий из камня (кремня), которые могли бы служить для этой цели, на городище не найдено, как не найдено ни одного осколка кремня, кроме обломка кремневой стрелы, явно случайного происхождения.

Основным материалом, из которого древние обитатели городища изготовляли каменные орудия, служил черный или темно-серый диабаз и родственные ему твердые мелкозернистые породы. Из них изготовлялись плоские клиновидные топоры и топоры-молоты с круглыми отверстиями для насаживания на рукоятку. Другие изделия, перечисленные ниже, делались из камня других пород — гранитов, различных сланцев и пр.

Каменные орудия

Обломки топоров-молотов	3
«Высверлины» от топоров-молотов	6
Плоские топоры и тесла	12
Их обломки и заготовки	14
Зернотерки	1 + обломки
Куранты и песты	29
Точильные и шлифовальные камни	4

Хотя топоры-молоты представлены в нашей коллекции лишь тремя обломками, причем лишь один сохранил круглое отверстие (рис. 3, 3), орудий такого рода у древних обитателей городища было, по-видимому, немало. Об этом говорят находки цилиндрических высверлин (рис. 3, 4, 5). Их диаметр одинаков — 1,5—2 см; для высверливания употреблялись, вероятно, сверла из трубчатых костей. Такие топоры-молоты относятся не только к II тысячелетию н. э. — к культуре «шнуровой керамики». На территории Прибалтики они происходят также с городищ и из захоронений начала и середины I тысячелетия до н. э.¹¹

В большом количестве найдены плоские клиновидные топоры, трапециевидные по форме, в сечении обычно прямоугольные, реже с зашлифованной фасеткой или закругленными углами. Их длина от 5,2 до 8,5 см; ширина лезвия 3—4 см (рис. 3, 6—8). Судя по обломкам, имелись орудия и несколько большего размера. У некоторых орудий лезвие скошено на сторону; они употреблялись как тесла. Найдены две заготовки топоров, сформованных из диабаза грубыми сколами. Два топора с выщербленными лезвиями были в ремонте: их лезвия вновь затачивались, но работа не была завершена. Шесть топоров совершенно целы; их остро отточенными лезвиями можно точить карандаш.

Цельный нижний камень зернотерки найден в Осыно лишь в одном экземпляре в верхнем перемешанном слое. Это сильно вогнутая гранитная плита размером 25 × 35 см, по-видимому, долго бывшая в употреблении. Имеются обломки еще нескольких подобных же зернотерок, а также верхних камней к зернотеркам неправильной полусферной формы со слегка выпуклой рабочей стороной.

¹⁰ Z. Płaczynski. Formy i przybory obławnicze z grodu kultury luzyckiej w Biskupinie. III Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury luzyckiej w Biskupinie. Poznan, 1950, s. 113—131.

¹¹ Я. Я. Граудонис. Ук. соч., стр. 83, табл. I.

В большом числе найдены каменные пестики и пестики-куранты. Это более или менее правильные каменные шары, диаметром от 6—7 до 9—10 см, поверхность которых сильно сработана. Для их изготовления подбирались соответствующей формы валунчики, обычно из гранита, реже из диабазы. Некоторые из них служили, по-видимому, отбойниками при первичной обработке каменных орудий или раскалывании костей и пр.

Валуны соответствующих форм и состава подбирались и для различных точильных камней. В нашей коллекции имеются точила с желобками, на которых натачивались костяные острия, и камни, служившие для шлифования и затачивания каменных топоров и др.

Большую часть находок, сделанных на городище Осыно, не считая обломков керамики, составляют изделия из кости и рога. Их найдено свыше 200. Это различные инструменты, орудия охоты и рыбной ловли, предметы вооружения, убора и украшения.

Орудия и другие изделия из кости и рога

Острия-шилья	21	Кинжалы и их обломки	3
Массивные острия	15	Рукоятки металлических ножей (?)	3
Обломки острий	27	Булавки и их обломки	19
Клиновидные острия («стамески»)	17	Подвески и другие украшения	22
Долота и их обломки	11	Обломки различных костяных изделий	45
Наконечники стрел и копий	20	Рыболовные крючки	2

Наиболее распространенными костяными изделиями, найденными на городище Осыно, являются острия, сделанные чаще всего из расколотых вдоль метоподий мелких парнокопытных. Тыльной частью рукоятки служила половина эпофиза кости; рабочий конец был аккуратно заострен. Размеры большинства острий небольшие: длина 7—12 см. Многие из них «отполированы» до блеска от длительного употребления, вероятно в качестве шильев при изготовлении одежды и обуви (рис. 3, 9—11). Имеется несколько острий, изготовленных из узких осколков стенок больших трубчатых костей; одно сделано из расколотаго вдоль реза бобра.

Помимо острий-шильев на городище найдены более массивные острия, сделанные из крупных костей. По-видимому, это инструменты различного назначения. Одни из них служили качадыками — инструментами, употреблявшимися при плетении корзин, циновок и пр., другие, возможно, были наконечниками рогатин, третьи — предметами вооружения, своего рода кинжалами (рис. 4, 15, 18). Наконец, имеются два острия из метоподий, крупных парнокопытных, бывшие, по-видимому, наконечниками мотыг. Их длина 15 см, поперечник 2,5—3 см.

Особо выделяются плоские острия, сделанные из стенок крупных трубчатых костей. Судя по заполированности от употребления, они являлись чем-то вроде ножей. Длина цельных таких инструментов (их найдено 4) составляет 2—13 см, причем половина длины приходится на рукоятку. На конце рукоятки одного такого ножа имеется круглое отверстие, как у костяных кинжалов, речь о которых пойдет ниже (рис. 3, 12, 13).

Особую группу костяных орудий составляют острия с клиновидным лезвием, сделанные из стенок крупных трубчатых костей (3 экз. целых и 7 сломанных). Их заостренный рабочий конец образует поперечное лезвие шириной 3—4—5 мм. Длина орудия 10,5—11 см (рис. 3, 14—15). Подобные же лезвия имеют еще несколько орудий, напоминающих по форме современные металлические отвертки (рис. 3, 16, 17). Тыльные части всех этих орудий, служивших долотами или стамесками, разбиты от многократных ударов.

В 11 экземплярах найдены настоящие костяные и роговые долота, сделанные из стенок крупных трубчатых костей, по форме похожие на каменные плоские топорики, но более миниатюрные. Ширина их лезвия от 1,3 до 2,5 см, длина орудия 5—9 см. У всех тыльные концы также разбиты; при работе они разрушались в первую очередь (рис. 3, 18—20).

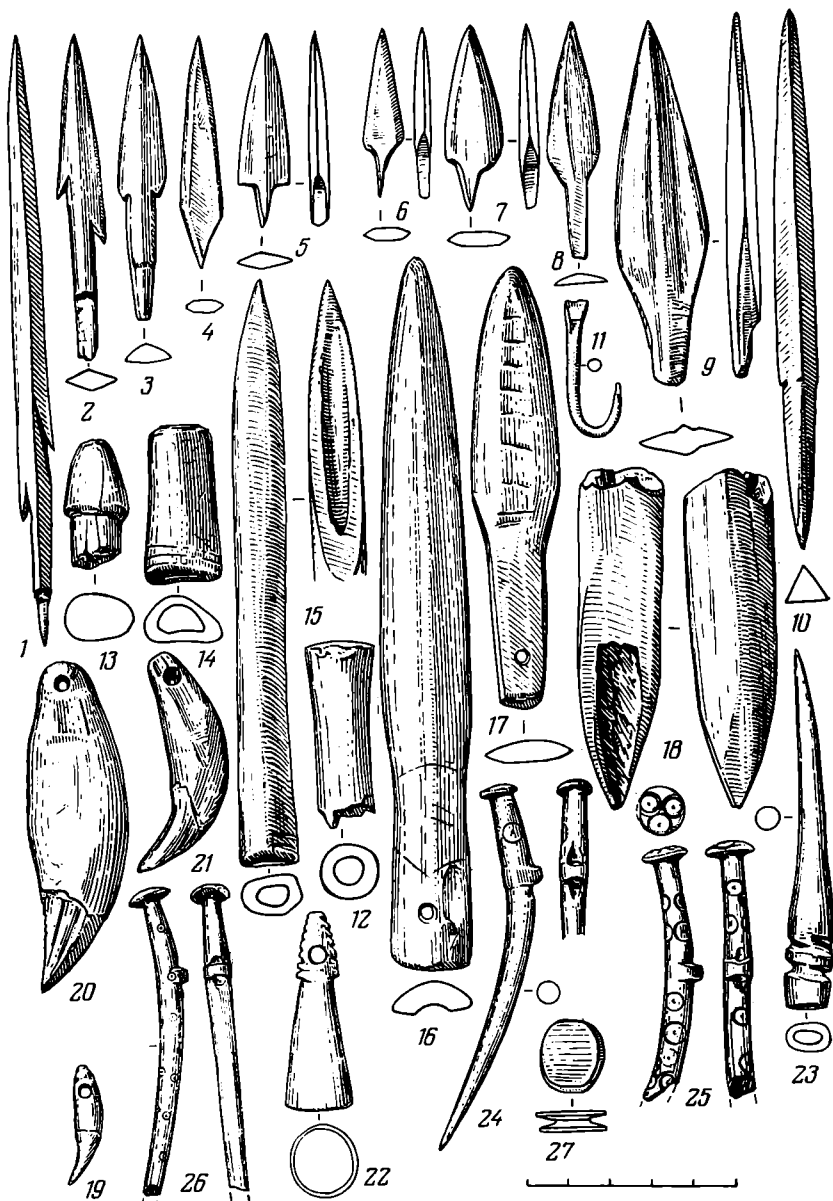

Рис. 4. Городище Осыно. Изделия из кости

Весьма многочисленную группу костяных изделий составляют наконечники стрел, их заготовки и сломанные экземпляры. Они очень различны по формам и размерам (рис. 4, 1—10). Больше всего найдено маленьких треугольных наконечников с миниатюрным черенком. Их длина 3,5—4,5 см. Одни наконечники в сечении ромбические, остальные плоские с заостренными краями. Из крупных наконечников бросается в глаза длинный (около 15 см), узкий наконечник, ромбический в сечении, с двумя жальцами, расположенными несимметрично — одно выше другого, и с маленьким заостренным насадом (рис. 4, 1). Другой наконечник, также ромбический в сечении, с двумя несимметричными жальцами имеет длину 7,5 см (рис. 4, 2). Такие же размеры у наконечников с симметричными жальцами и с жальцем на одной из сторон. Один большой (длина 13 см) наконечник имеет узкое трехгранное перо (рис. 4, 10).

Принимая во внимание большое количество костей крупной рыбы среди пищевых отбросов, в материалах городища Осыно можно было ожидать находки костяных гарпунов. Но ни одного цельного гарпуна при раскоп-

ках найдено не было. Правда, остатками гарпунов могли быть обломки двух круглых костяных стержней, диаметром 0,6—0,7 см, нижние части которых уплощены для скрепления с рукояткой. Но это могли быть и тыльные части крупных наконечников стрел.

Бесспорными орудиями рыболовства являются два костяных крючка. Один из них, совершенно целый, имеет в длину 3,4 см. Его тыльная часть расширена для прочного прикрепления к леске (рис. 4, 11). Другой крючок, такого же размера и формы, является заготовкой.

К наконечникам копья может быть отнесено великолепное острие с листовидным, ромбическим в сечении пером, длиной 8 см, с обломанным насадом (рис. 4, 9). Отполированность его до блеска, что было результатом длительного употребления, заставляет высказать и другое предположение о назначении этого орудия. Оно могло быть миниатюрным кинжалом, близким маленькому кинжалу, описанному ниже.

Костяных кинжалов, являющихся украшением коллекции находок из городища Осыно, найдено два целых и один обломок. Все они изготовлены из стенок больших трубчатых костей, имеют правильные симметричные очертания, заостренные с обеих сторон лезвия и несколько суженные рукоятки с круглыми отверстиями на тыльном конце. Длина большего кинжала 17 см, ширина лезвия 2,7 см, длина рукоятки 5,5 см. Размеры маленького соответственно 10,5, 2,7 и 4 см. Оба они, особенно большой, отполированы до блеска от длительного употребления (рис. 4, 16, 17).

Убедительным доказательством наличия у обитателей городища металлических орудий являются костяные рукоятки ножей или шильев. Одна из рукояток цилиндрической формы имела продольное глухое отверстие, куда вставлялся четырехгранный черенок металлического ножа (или остря?). Другие рукоятки, также округлые в сечении, имели на конце шишечку. Обращают на себя внимание небольшие размеры рукояток, что соответствовало, вероятно, миниатюрным размерам металлических инструментов, для которых они служили.

Из кости и рога изготовлялись не только орудия труда, но и предметы убора и украшения, прежде всего булавки, представляющие собой одну из специфических «руководящих форм» предметов убора древних балтов. Для городища Осыно особенно характерными являются булавки в виде несколько изогнутого заостренного стержня, длиной 9—10 см, тыльный конец которого заканчивается круглой головкой наподобие шляпки гвоздя. Несколько ниже головки (в 2—2,5 см) на стержне имеется выступ с продольным отверстием, служивший для привязывания шнурка. Шесть булавок такой формы оказались орнаментированными, причем все одинаково — круглыми «циркульными» кружками с точкой посередине. Диаметр кружков, процарапанных острым, несомненно металлическим инструментом — 1,5—4,5 мм. Так орнаментировался не только стержень булавки, но и ее круглая головка (рис. 4, 24—26).

Булавки такой формы известны среди древностей Прибалтики, относящихся к эпохе бронзы и «раннего железного века»¹². Их рассматривают обычно как подражание металлическим гвоздевидным булавкам, известным по средневропейским древностям эпохи бронзы. Это весьма возможно, но нужно указать, что бронзовые булавки такой формы имеются в Прибалтике среди древностей и более позднего времени — I тысячелетия н. э. и даже средневековых¹³. Поэтому костяные булавки с городища Осыно, к сожалению, не могут быть использованы для уточнения датировки.

Кроме гвоздевидных имеются костяные булавки и других форм. На головке у них имеются либо отверстие, либо желобки для привязывания шнурка (рис. 4, 23). Ими, как и гвоздевидными булавками, закреплялась на груди верхняя одежда.

¹² Я. Я. Граудонис. Ук. соч., стр. 91, 92, табл. VII, VIII.

¹³ Н. Моора. Die Eisenzeit in Zettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938, II, S. 168; «Zietuviu liaudies menas», кн. I. Vilnius, 1958, fig. 45—48, 52—54, 198—200, 323—327.

Из других предметов убора, происходящих с городища Осыно, отметим подвески к ожерелью. Это, во-первых, подвески-амулеты из клыков хищников с отверстием для подвешивания — два клыка медведя, клык волка, два клыка лисицы и обломок клыка кабана (рис. 4, 19—21). Уникальным предметом является полая костяная подвеска конической формы, изображенная на рис. 4, 22. Ее высота 7,7 см, диаметр основания — 1,7 см. Верх конуса уплощен и имеет круглое отверстие для подвешивания. Верх подвески украшен мелкими насечками.

Подвесками или бусами служили позвонки крупной рыбы, обточенные по периметру. Их найдено 6 экз. Интересна выточенная из кости овальная пластинка размером 1,7 × 1,5 см, по ребру которой проходит глубокая кольцевая выемка (рис. 4, 27). Изделие служило скорее всего пуговицей («запонкой»). Среди находок, происходящих из древних могильников на территории Латвии, имеются подобные изделия, выточенные из янтаря ¹⁴.

Наконец, в коллекции костяных изделий с городища Осыно имеются небольшие пронизки (рис. 4, 14), обломок кольца диаметром 3,5 см, обломки гребня (?) и различных других изделий.

Очень интересными оказались костные остатки из древнего слоя городища Осыно. Во избежание ошибки они были взяты отдельно: а) из нижнего ненарушенного слоя и б) из переброшенного слоя, в котором мог встретиться материал средневекового времени ¹⁵.

Переходим к керамике. Она является важнейшим свидетельством культурной однородности и узких хронологических рамок древнего слоя городища Осыно. Представленная свыше чем 750 обломками, керамика одинакова по составу глины, формам сосудов, их фактуре, обжигу. Перед нами исключительно «чистый» комплекс, что довольно редко встречается в древних городищах лесной полосы Европейской части СССР. Из общей массы выпадают лишь 17 обломков, принадлежавших 6—7 сосудам, которые по фактуре и орнаментации заметно отличались от основного материала. Речь о них будет идти ниже.

Прежде всего следует отметить, что керамика городища Осыно ничем не походит на глиняную посуду «культур шнуровой керамики». Она свидетельствует о совершенно иной керамической традиции. Для нее характерна, прежде всего, глина с обильной примесью дробленого гранита. Угловатые, часто острые зерна кварца, полевого шпата, кусочки слюды — составные части гранита — буквально переполняют керамическую массу. Размеры этих частиц от 1—2 до 4—5, иногда до 6—7 мм в поперечнике. Изготовленная из глины с такой примесью посуда является очень грубой; ее поверхность — внутренняя и наружная — является неровной, бугристой с выступающими зернами примеси. Толщина стенок сосудов крайне неравномерна; как правило, верхняя часть (4—6 мм) тоньше стенок (5—7 мм), последние тоньше дна (6—10 мм).

Цвет керамики — ее внутренней и наружной поверхностей и излома — темно-бурый, черный, неравномерный. Черепок — прочный, он не мажется, не расслаивается, не крошится.

Преобладающая форма сосудов — цилиндрическая (диаметр горловины лишь немного превышает диаметр плоского дна), с непрофилированной шейкой и лишь слегка выпуклыми стенками, высота сосуда превышает его диаметр. Размер сосудов небольшой: восстановленный сосуд первого типа имеет высоту 21 см, диаметр горла 16 см, дна 14 см; толщина стенок 6—8 мм, дна — 9—10 мм. Сосуд неорнаментирован (рис. 5, 1).

Но большинство других таких сосудов, представленных обломками, имеют больший размер. Они украшены круглыми сквозными отверстиями,

¹⁴ Я. Я. Граудонис. Ук. соч., стр. 36, 87, табл. XX, рис. 8, 9.

¹⁵ Костные остатки были определены Н. М. Ермоловой. Автор приносит ей свою благодарность. Статью Н. М. Ермоловой, посвященную костным материалам из городища Осыно, см. в этом номере журнала.

Рис. 5. Городище Осыно. Глиняный сосуд, зернотерка

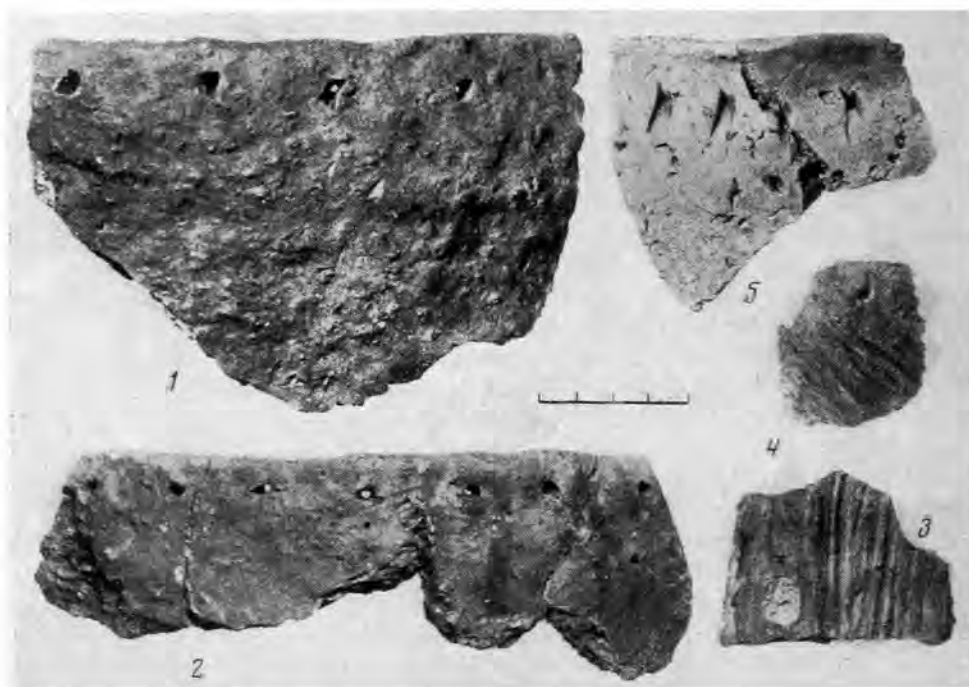

Рис. 6. Городище Осыно. Обломки керамики

нанесенными в один ряд под венчиком. Диаметр отверстий 3—5 мм (рис. 6, 1—2). На некоторых сосудах отверстия затерты при окончательном сглаживании стенок сосудов. Имеются два обломка сосуда со сквозными отверстиями под венчиком, слегка отогнутым наружу, с выпуклым телом. Диаметр его горловины 28 см, наибольший диаметр 32 см, толщина стенок 0,5 см. Эти обломки принадлежали, кажется, наиболее крупному сосуду из нашей коллекции.

Сосуды другого типа — в виде невысоких мисок, несколько расширяющихся кверху, представлены также лишь одним, восстановленным до полного профиля небольшим сосудом. Его высота 11,5 см, диаметр горла 46 см, дна 12 см. Судя по обломкам, большинство мисок были большого размера: диаметр горла 24—26 см, дна 20—22 см. В отличие от сосудов первого типа миски не имели круглых отверстий у края. У некоторых мисок вместо отверстий нанесены неглубокие округлые ямки.

Все типы сосудов не имеют карнизика у дна; дно производит впечатление не столько плоского, сколько уплощенного.

Из основного комплекса выпадают 17 обломков. Большинство из них покрыто штриховкой, что характерно для соседних прибалтийских областей (рис. 6, 3). Один обломок принадлежит сосуду, покрытому текстильными (сетчатыми) отпечатками. От основной массы керамики он отличается своим песковатым тестом и слабым обжигом (рис. 6, 4). То же самое следует сказать об обломках двух профилированных сосудов с ямочками («тычками») под венчиком, близко напоминавших днепро-двинскую или даже юхновскую посуду «раннего железного века» из бассейна р. Десны (рис. 6, 5). Наконец, имеется один маленький обломок сосуда с рядом круглых отверстий под венчиком, стенки которого покрыты отпечатками перевитой веревочки. Отдельные такие обломки встречаются на древних городищах на территории Латвии¹⁶.

Все перечисленные обломки глиняных сосудов, выпадающих из основного комплекса, по времени ему вполне соответствуют. Они свидетельствуют, очевидно, о связях древних обитателей городища с ближайшими и более отдаленными областями.

Как известно, в археологической практике керамика рассматривается не только как элемент хозяйства и быта, но и как существенный признак при территориальном и этническом подразделении древних культур. И это имеет под собой серьезное основание, так как среди особенностей, присущих древней керамике, имеется немало таких, которые не зависят ни от общего уровня культуры, ни от характера хозяйственной деятельности. Особенности эти отражают специфические местные традиции.

Все сказанное является справедливым и в отношении восточнобалтийских группировок I тысячелетия до н. э. Их культура подразделяется преимущественно на основании особенностей керамики. Классификация по другим признакам обычно не противоречит выводам, полученным на основании анализа керамики.

С этой точки зрения обратимся к материалам городища Осыно. Несмотря на то что по ряду признаков (каменные и костяные орудия) городище примыкает к древностям Литвы, Латвии и Северной Белоруссии, его керамика оказалась иной. Не представлена такая керамика и в более восточных областях, где в 50-х годах работала Я. В. Станкевич¹⁷. В местностях, расположенных севернее Себежского края — по течению р. Великой и на восток от Чудского озера, беспорные городища I тысячелетия до н. э. до сих пор неизвестны. Но в нижних слоях Псковского кремля имеется керамика, близкая осыновской — с грубой примесью, шероховатой поверхностью, нередко — со сквозными отверстиями под венчиком¹⁸. Вполне беспорные параллели осыновской керамике имеются на древних городищах юго-восточной Эстонии, таких, как Рыуге, Отяпя и др.¹⁹. Как и Псковский кремль, эти городища многослойные. При раскопках материал древнего слоя, относящегося к I тысячелетию до н. э., не был отделен от находок из вышележащих, более поздних наслоений. По мнению исследователей, городища относятся не раньше чем к началу I тысячелетия н. э., что, несомненно, является ошибкой.

По сообщениям К. П. Шута, керамика, подобная осыновской, характерна для древних городищ полоцкого и отчасти витебского течения Западной Двины, смежного с Себежским краем. Из городищ с такими находками назовем Угаровское, находящееся в правобережье Западной Двины. Но на городищах, исследованных К. П. Шутом, имеется керамика и другого типа — с примитивными геометрическими узорами, прочерченными

¹⁶ Я. Я. Граудонис. Ук. соч., табл. XXXI, рис. 13.

¹⁷ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960.

¹⁸ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИ АН СССР, 33, 1950, стр. 52, 53; *еже же*. Псковское городище. КСИА АН СССР, 62, 1956, стр. 37.

¹⁹ М. Х. Шмидехельм. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, вып. I. М., 1959, стр. 154—185.

под венчиком²⁰. Такая посуда на себежских городищах не встречена. Представляется вероятным, что городища, исследованные К. П. Шутом, находятся на южном пограничье культуры, характерной для городища Осыно.

В целом создается впечатление, что Себежский край и смежные местности в «раннем железном веке» принадлежали своеобразной группе населения, по происхождению скорее всего балтийской. Как известно, керамика северных и западных областей Эстонии, по возрасту соответствующая городищу Осыно, носит совсем другой характер. Примером может служить керамика известного городища Асва²¹.

P. N. Trétiakov

LE GORODITCHE D'OSSYNO

R é s u m é

En 1971—1972, on a étudié un goroditché de la seconde moitié et du milieu du Ie millénaire av. n. ère, situé près du village d'Ossyno, sur le lac du même nom, dans le district de Sébej (région de Pskov).

La plus ancienne couche culturelle du goroditché a été presque entièrement détruite aux XIIe et XIIIe siècles au cours de grands travaux entrepris à cet endroit pour établir des ouvrages défensifs. La couche ne s'est conservée que sur une étroite bande, le long du versant nord de la place du goroditché; elle consiste en deux niveaux: 1) la couche inférieure, la plus ancienne, et 2) la couche supérieure faite de terre jectisse provenant des autres parties de la place (XIIe et XIIIe s.) et qui contient aussi des objets appartenant à une époque plus ancienne. Ici se sont conservés de nombreux trous pour de minces poteaux, trace d'une ancienne clôture. Il n'y a pas de couche culturelle dans les parties centrales et méridionale de la place. Immédiatement au-dessous de la couche superficielle de terre, on trouve le sol vierge argileux. Dans la couche superficielle on peut recueillir des tessons de céramique du Moyen Age.

Un grand nombre d'objets découverts dans la couche culturelle consistent en haches de pierre de deux types: cunéiformes, et massives avec un trou foré pour le manche; il y a également de nombreux pilons et mortiers. On rencontre beaucoup d'objets en os: des pointes, des burins de différents types, des couteaux, des poignards, des pointes de flèches. Très intéressante est une collection d'épingles, parmi lesquelles il faut distinguer particulièrement celles en forme de clou avec une ouverture pour y fixer un cordonnet. On remarque également quelques pendants faits de crocs de carnassiers, ainsi que d'autres objets de parure.

La céramique appartenant à la couche la plus ancienne est très uniforme. L'argile en est grossière, avec présence de granite concassé; la forme des vases rappelle celle de pots. Le décor consiste en petits trous ronds alignés sur un rang au-dessous du bord.

Des goroditchés du même genre sont répandus près du lac Tchoudskoïé et dans les régions méridionales de l'Estonie. Ils appartiennent apparemment à l'un des petits groupes des anciennes populations baltes.

²⁰ К. П. Шут. Ук. соч., стр. 166—181.

²¹ R. Indreko. Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused. Tartus, 1939.